

Панченко Флорентина Викторовна, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4. 199034. pflorentina@mail.ru

Panchenko, Florentina Viktorovna, PhD in Art History, senior researcher. Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of the Russian Academy of Sciences, Makarova nab., 4 199034 Saint Petersburg, Russian Federation. pflorentina@mail.ru

К ПРОЧТЕНИЮ МИНИАТЮРЫ БИБЛЕЙСКОГО СБОРНИКА МАТФЕЯ ДЕСЯТОГО 1507 ГОДА

ABOUT READING THE MINIATURE OF THE BIBLE COMPILATION BY MATTHEW THE TENTH 1507

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному и практически неизученному памятнику русского средневекового художественного творчества — миниатюре из Библейского сборника Матфея Десятого (БАН. Собр. И. И. Срезневского, II. № 75). Рукопись, созданная в начале XVI в. Матфеем Ивановичем Десятым, представляет собой уникальный для своего времени свод текстов Ветхого и Нового Заветов, существовавших в православной литургической практике в переводах на славянский язык. Выдающимся признано и выполненное мастером художественное оформление рукописи, включающее многочисленные орнаментальные формы и миниатюру. Миниатюра открывает книгу Псалтирь и в сложной многоярусной композиции синтезирует сюжеты, посвященные деяниям царя Давида-псалмопевца. Созданная русским мастером Матфеем Десятым оригинальная композиция обнаруживает множественные параллели с греческими, южнославянскими, русскими и западноевропейскими иллюминированными псалтирями и другими книжными памятниками. Эти параллели в разной степени выявляют механизмы взаимодействия культур, свойственные региону создания книги — Великое княжество Литовское (Вильна, Супрасльский монастырь), и времени — начало XVI в.

Ключевые слова: книжная миниатюра; псалтирь; Матфей Десятый; начало XVI в.; иконография; Супрасльский монастырь.

Abstract. The article is about a little-known and almost unexplored monument of Russian medieval art — a miniature from the Biblical Code of Matthew the Tenth (BAN. Collect. Sreznevsky, II. No. 75). Created at the beginning of the 16th century by Matthew Ivanovich the Tenth, the manuscript is unique for its time. It is a set of texts of the Old and New Testaments that existed in Orthodox liturgical practice in translations into the Slavic language. The decoration of the manuscript, including numerous ornamental forms and miniatures, is recognized as an outstanding work and executed by the master. The miniature opens the Book of Psalms and in a complex multi-tiered composition synthesizes plots dedicated to the deeds of King David the psalmist. The original composition created by the Russian master Matthew the Tenth reveals multiple parallels with Greek, South Slavic, Russian, and Western European illuminated psalters and other book monuments. These parallels, to varying degrees, reveal the mechanisms of cultural interaction that are characteristic of the region where the book was created — the Grand Duchy of Lithuania (Vilnius, Suprasl Monastery) — and time — the beginning of the 16th century.

Keywords: book miniature; psalter; Matthew the Tenth; early 16th century; iconography; Suprasl monastery.

Библейский сборник Матфея Десятого (БАН. Собр. И. И. Срезневского, II. № 75), созданный в Супрасльском монастыре в 1507 г., относится к той категории памятников, в которых нашел отражение комплекс важнейших культурных явлений целой эпохи на огромной территории восточно-христианского мира. Супрасльский кодекс поражает насыщенным содержанием, богатством и разнообразием декоративного оформления, уникальной миниатюрой, качествами, позволяющими безусловно отнести рукопись к шедеврам древнерусского книгописного искусства. В кодексе оказались сосредоточенными меты столь высокого профессионального мастерства, что сама рукопись может служить мерилем в оценке множества подобных артефактов. И при всем том Библейский сборник Матфея Десятого, и, в частности, его необыкновенный художественный декор, остается слабо изученным, несмотря на богатую историю исследований кодекса.

В поле зрения ученых рукопись появилась в середине XIX в. и сразу была высоко оценена как уникальный свод библейских текстов на славянском языке и как выдающийся памятник книжного искусства. Интерес к Библейскому сборнику в последние годы возобновился после долгого перерыва. Рукопись начинает раскрываться с разных сторон¹. Постепенно складывается образ создателя книги — Матфея Ивановича Десятого — как книжника исключительной эрудиции, текстолога и редактора, глубокого знатока богослужения, профессионального писца-каллиграфа, орнаментатора [8; 9] и миниатюриста. В пространной записи в кодексе Матфей Десятый сообщает сведения о месте своего рождения (г. Торопец), родителях, членах

семьи, профессиональном занятии, а также о своем замысле по созданию книги, времени и месте ее написания (начата в Вильне в 1502 г., окончена в Супрасльском монастыре в 1507 г.). Исследования последних лет приводят к выводу о том, что Матфей Десятый является единственным мастером, создавшим Библейского сборник.

Библейский сборник украшает одна полностраничная миниатюра, которая открывает Псалтирь и находится в середине кодекса (Л. 173об.). Впервые ее высоко оценил Д. В. Айналов: «Эти прекрасные изображения и по исполнению, очень живому и художественному, делают из миниатюры крайне важный памятник русской миниатюрной живописи» [4, с. 104]. По просьбе П. А. Лаврова Д. В. Айналов сделал аннотацию художественного оформления Супрасльского сборника в статье о Библейских книгах Матфея Десятого [4, с. 87–92], в которой точно и убедительно определил место миниатюры в греко-славянской книжности. Д. В. Айналов отнес миниатюру к новгородской школе XV в., отметив ряд стилистических приемов и характерных черт новгородского письма. Наиболее показательным в этом отношении стало его сопоставление трехъярусных композиций миниатюры и иконы XV в. «Битва новгородцев с суздальцами». Ученый первым обратил внимание на изображение персонафикации Софии — Премудрости Божией в Сборнике Матфея Десятого [4, с. 102–104] и увязал композицию с апокрифом «Слово о псалтыри, како написася Давидом царем» [13, с. 166]. Он также высказал предположение о существовании ее более древнего иконографического источника в греческих или южнославянских лицевых псалтирях и привел примеры аналогичных композиций

Илл. 1. Миниатюра Супрасльского сборника Матфея Десятого, фрагмент. 1507. Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург. Собр. И. И. Срезневского, II, № 75. Л. 173об.

в миниатюрах Псалтири из библиотеки Амброзиана² и Мюнхенской псалтири³. Однако исследование миниатюры Супрасльского сборника дальнейшего развития не получило в работах ни самого Д. В. Айналова, ни других искусствоведов. Исключением стала обстоятельная статья А. А. Алексеева и О. П. Лихачевой, посвященная комплексному изучению Библейского сборника Матфея Десятого, в которой было описано содержание миниатюры [1, с. 58–59].

Заметный шаг в научном осмыслении миниатюры был сделан Н. В. Николаевым [7, с. 176–177], который обнаружил отдельные сюжеты, близкие по композиции, в миниатюрах Следованной псалтири конца XV в. из собрания Ф. И. Буслаева (ОР РНБ. ОСРК. Ф. I. 738)⁴. Современные исследования показали, что обе рукописи, Следованная псалтирь и Сборник Матфея Десятого, уже при архимандрите Ионе (1500–1532) находились в Супрасльском монастыре. Этот факт позволяет предполагать знакомство Матфея Десятого с рукописью Псалтири при его работе над миниатюрой.

В 1997 г. в 4-м томе серии «Русская библия» из Сборника Матфея Десятого была факсимильно воспроизведена Псалтирь с миниатюрой [2]. Само издание не предполагало научного комментария, но и после публикации миниатюра осталась вне исследовательского контекста. Свою задачу мы видим в описании иконографических и стилистических характеристик миниатюры, которые в будущем позволят составить целостное представление о памятнике.

Миниатюра в Сборнике Матфея Десятого выполняет функцию *выходной* миниатюры к книге Псалтирь и представляет собой сложную композицию, состоящую из трех регистров-ярусов, каждый из которых разделен на две части. В шести частях композиции находятся сцены с эпизодами из жизни царя Давида-псалмопевца. В верхнем ярусе представлены сцены помазания Давида на царство и вдохновения Премудростью Божией царя Давида написание псалмов. В среднем ярусе совмещены две сцены — псалмотворения Давида и псалмопения с игрой на музыкальных инструментах и танцами, которые представляют картину праздничного богослужения с участием царя Давида и его клира. В нижнем ярусе этот же сюжет продолжен и дополнен сценой обучения псалмопению.

Поиски протографа миниатюры среди сохранившихся и доступных для исследования рукописей как восточной, так и западно-христианской традиции не привели к результату. Можно предположить, что готовый образец все же существовал. Однако, опираясь на палеографические и кодикологические исследования всей рукописи, на выявленные исследователями принципы и методы работы Матфея Десятого с библейскими текстами и, наконец, зная приемы и манеру орнаментального убранства рукописи, мы склоняемся к мнению о том, что композиция миниатюры принадлежит авторству Матфея Десятого. Текстологический подход, который применял Матфей Десятый в работе с литературными текстами и с орнаментальными формами, на наш взгляд, был применен мастером и при создании миниатюры. Имея в своем распоряжении образцы иллюстрированного жизнеописания царя Давида, он их адаптировал и объединил в оригинальную композицию, богатую повествовательными мотивами и насыщенную религиозными символами. Миниатюра обладает всеми свойствами художественного текста, смысл которого раскрывается путем медленного, последовательного прочтения.

* * *

В данной статье мы подробнее остановимся на изучении верхнего яруса миниатюры, в котором изображены два события из жизни царя Давида, ставшие главными вехами на пути Давида к Божественному посвящению (Илл. 1). В первом клейме представлена сцена помазания Давида на царство, иллюстрирующая текст: «И прия Самуил рог со елеем и помаза его посреде братии его. И ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом» (2 Цар. 16:12–13). В сцене участвует четыре персонажа: пророк Самуил, Давид-юноша, архангел и Премудрость Божия. Над изображением вверху на золотом поле киноварью сделана надпись: «Помазание Давида пророка на царство рогом». Точного аналога композиции данной сцены ни в западной, ни в восточно-христианской художественной традиции обнаружить не удалось. Тем не менее выстраиваются множественные параллели как с предшествующими, так и с современными Супрасльскому сборнику изображениями.

В целом, композиция сцены помазания Давида на царство восходит к иконографии иллюминированных псалтирей эпохи «Македонского ренессанса», известной, в частности, по Парижской псалтири X в.⁵ (Илл. 2). На миниатюре Супрасльского сборника фигуры Самуила, Давида и Премудрости изображены относительно миниатюры Парижской псалтири зеркально, при этом расположение фигур, одежда, позы и жесты, по преимуществу, сохранены. Обращает на себя внимания фигура пророка Самуила, который изливает елей на голову Давида левой рукой! Подобные «казусы» случаются, как правило, при использовании прорисей, которые передают отпечатавшееся при их изготовлении обратное изображение образца. Матфей Десятый, вероятно, имел дело с таким образом, передающим «обратное» изображение, и некротично подошел при обработке изображения. Кроме того, он, очевидно, не понял рисунка правой руки Самуила, в результате вместо канонического жеста обращения у Самуила рука оказалась задрапирована гиматием. Для сравнения можно привести миниатюру с тем же сюжетом и близкой иконографией из греческой «Ватопедской» псалтири XI в. (1088) (Илл. 3). Здесь композиция также представлена зеркально относительно миниатюры Парижской псалтири, но правила «перевода» изображения соблюдены, и помазание елеем пророк осуществляет правой рукой. Отметим, что в Ватопедской псалтири цвета облачения Самуила — синяя туника и светло-зеленый гиматий — совпадают с цветами одежды в миниатюре Сборника Матфея Десятого. Так же общими являются золотой фон миниатюры и позем, с тем отличием, что травы в Ватопедской псалтири переданы реалистично.

Подобная иконография сюжета характерна для целого ряда древнерусских лицевых рукописей XVI–XVII в.: Христианской топографии Космы Индикоплова, в частности: РНБ ОР. Ф. I. 220. Л. 189, первая четверть XVI в.; РНБ ОР. Ф. IV. 683. Л. 94, XVI в., Успенскому списку Великих Миней-Четьих (август) 1540-х – начала 1550-х гг. (Новгород, ГИМ. Син. 997. Л. 1248)⁶ и др. Миниатюры выполнены в графической манере очеркового рисунка. Иного извода сцена помазания Давида помещена в Следованной псалтири конца XV в. (РНБ. Ф. I. 738 на л. 50б.) (Илл. 4) Как и в Ватопедской рукописи, здесь отсутствуют Божественные силы в облике Премудрости или архангела, а помазание происходит в присутствии родителей и братьев Давида, которые расположены в другом порядке относительно фигуры пророка. Кроме того, Самуил представлен в древнем облачении иудейского первосвященника. В целом, данное изображение отвечает стилистике палеологовской эпохи византийского искусства, господствовавшей в Греции и на Балканском полуострове в XIV–XV вв. Миниатюру сопровождает надпись: «Самоил поставляет Давыда на царство»). Миниатюра Следованной псалтири РНБ — ранняя из известных в русской книжности композиций исторического (хронографического) типа, восходящих в искусству Македонского царства, что позволяет рассматривать ее, несмотря на видимые отличия, как одно из звеньев в цепи иконографических прототипов миниатюры Матфея Десятого.

В композиции миниатюры Сборника Матфея Десятого отсутствует изображение отца Давида Иессея с братьями. На их месте, отчасти повторяя очертания фигуры Иессея, находится фигура архангела, держащего над головой Давида царский венец. В византийской иконографии периода македонского ренессанса Давид в сцене коронования изображался обычно стоящим на щите, который держат воины (что отражало реалии древнего церемониала), а венец на голову Давида возлагает Божественная Премудрость. Образец подобной иконографии можно видеть, например, в Парижской псалтири (Илл. 5). Данная сцена иллюстрирует ветхозаветные строки: «И приидоша вси старейшины Израилевы к царю в Хеврон, и положи им царь Давыд завет в Хевроне пред Господем: и помазаша Давида на царство над всем Израилем» (2 Цар. 5: 3). В Ватопедской псалтири в подобной сцене вместо Святого Духа (Премудрости) изображена мужская фигура, олицетворяющая власть: в царских одеждах, в короне и с нимбом (Илл. 6). Сохранились также редкие миниатюры, на которых изображен ангел, возлагающий корону на голову Давида. Так, в Псалтири Барберини (XI в.) эта сцена приобрела отчетливую христианскую

Илл. 2. Помазание Давида на царство. Миниатюра из Парижской псалтири. X в. Национальная библиотека Франции, Париж. Gr. 139. Fol. 3v.

Илл. 3. Помазание Давида на царство. Миниатюра из Ватопедской псалтири. 1088. Византия. Афон. Cod. Vatop. 761. Fol.

Илл. 4. Помазание Давида на царство. Миниатюра из Следованной псалтири. Конец XV в. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Ф. I. 738. Л. 50б. Опубликовано в: Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шibaев С. А. Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки Ф. I. 738. СПб.: Пушкинский Дом, 2011

Илл. 5. Коронация царя Давида в Израиле. Миниатюра из Парижской псалтири. X в. Национальная библиотека Франции, Париж. Gr. 139. Fol. 3v.

Илл. 6. Коронация царя Давида в Израиле. Миниатюра из Ватопедской Псалтири. 1088. Византия. Афон. Cod. Vatop. 761. Fol. 3v.

Илл. 7. Коронация царя Давида в Израиле. Псалтирь Барберини. IX в. Ватиканская апостольская библиотека, Ватикан. Vat. Barb. Gr. 372. Fol.

Илл. 8. Ангел коронует Давида. Миниатюра из Кентерберийской псалтири. 1176–1200. Национальная библиотека Франции, Париж. Mn. lat. 8846. Fol. 34v.

трактовку: главу Давида венчает спускающийся с неба ангел с золотым нимбом (Илл. 7).

В Кентерберийской псалтири конца XII в. (лат.) имеются две композиции на эту тему. В первой — ангел коронует Давида и передает ему свиток с Псалтирью (Илл. 8). Во второй композиции (как и в Супрасльском сборнике!) совмещены сцены помазания елеем и коронования. В этой композиции справа от сидящего на троне Давида, Святой Дух в образе юноши протягивает Давиду корону и царский жезл (или мерило?) (Илл. 9).

Как видно, в древности была воплощена идея объединения в одной композиции реального события — возведения на царство Давида и его богословского толкования. Образ Давида-царя был особенно важен в период становления царской власти в христианском обществе, и многозначность его толкований отразилась на иконографии сюжета, отличающейся большой вариативностью. Проследить всю его историю до начала XVI в. — времени создания миниатюры Супрасльского сборника Матфея Десятого — учитывая фрагментарность сохранившихся памятников, в настоящее время не представляется возможным. Тем не менее иконографический извод, подобный тому, который использовал в своей миниатюре Матфей Десятый, по всей видимости, существовал и мог послужить источником композиции.

В Супрасльском сборнике эта многозначная сцена представлена только главными персонажами действия: пророком Самуилом, Давидом, архангелом и Премудростью Божией, благодаря чему концентрируется внимание на символике темы царства. Изображение архангела в Сборнике вполне традиционно для славянской иконографии XV–XVI вв. Наиболее близкое к нему находится у Дионисия. Архангелы иконостаса Ферапонтова монастыря (около 1502) имеют общую с миниатюрой Супрасльского сборника иконографию, включающую позу, облачение с характерными драпировками. Одежды архангела Гавриила совпадают также и в цветовом решении: синий далматик с золотым оплечьем, зеленый гиматий, коричневые крылья и розовые подкрыльнички⁷.

Илл. 9. Помазание Давида. Миниатюра из Кентерберийской псалтири. 1176–1200. Национальная библиотека Франции, Париж. Mn. lat. 8846. Fol. 2v.

Илл. 10. Евангелист Лука. Миниатюра из Евангелия. Середина XVI в. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Ф. I. 35. Л. 165об. Опубликовано в: Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук. В 2 т. Т. 2: Исследования и материалы. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2020. С. 155

В верхнем ярусе миниатюры изображение Премудрости Божией помещено дважды. В первом клейме ее появление определяется словами Библии: «И ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом» (2 Цар. 16: 13). Во втором клейме Премудрость входит в композицию с царем Давидом, пишущим книгу Псалтирь по наущению Святого Духа. Премудрость изображена в виде бескрылого ангела с нимбом из двух сине-голубых пересекающихся ромбов. На ней светло-зеленая туника со спущенными короткими рукавами. Через плечо перекинут узкий плат в виде прихотливо развивающейся красной ленты. В облике Премудрости отчетливо проявляется стилистика палеологовского ренессанса, образцы которого можно видеть преимущественно во фресковой росписи храмов Греции, Константинополя, Сербии и Македонии⁸. Как пишет Э. С. Смирнова: «Распространение персонификаций в XIV–XV вв. отражает общую тенденцию палеологовского искусства к использованию образов эллинистической культуры с целью передать пронизывающее всю вселенную духовное начало» [15, с. 269].

Тема передачи Божественной мудрости раскрывается в композициях с изображениями Отцов Церкви — Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина, Космы Маюмского, Иосифа, Феофила и др., которым Святой Дух в виде бескрылого ангела с нимбом передает слова Божественной Премудрости. Сюжет, получивший распространение во фресковой живописи на Балканах под названием «Учительство», был известен и на Руси⁹, однако образы Премудрости нашли отражение преимущественно в рукописной книге в миниатюрах с евангелистами¹⁰.

Поиски образцов в лицевых Евангелиях XV–XVI вв., имеющих изображения Премудрости, привели нас к неожиданной находке. В Евангелии середины XVI в. РНБ. Ф. I. 35 на трех разных миниатюрах помещены изображения Премудрости не только в виде бескрылого ангела, но и в облике архангела, которые совпадают с изображениями на миниатюре Матфея Десятого. Совпадения можно видеть в облике, в одеждах, позах, жестах. Имеются и некоторые отличия. В миниатюре с евангелистом Лукой Премудрость в облике архангела держит свиток в правой руке (Илл. 10). В миниатюре Матфея Десятого архангел держит царский венец над головой Давида, и положение руки здесь выглядит более естественно. Левая рука архангела на обеих миниатюрах опущена вниз, а кисть собрана в кулак с выпрямленным указательным пальцем. Если в миниатюре с Лукой этот жест можно условно считать указующим, то архангел на миниатюре Матфея Десятого придерживает пальцем мерило. Отчасти данная ситуация повторяется в миниатюре с евангелистом Матфеем (Илл. 11), где пальцы левой опущенной руки Премудрости сложены в двуперстии и как бы придерживают широкий плат (гиматий), в то время как в миниатюре Сборника Матфея Десятого Премудрость аналогично сложены пальцами держит мерило. На миниатюре с евангелистом Марком (Илл. 12) характерно положение Премудрости, стоящей над евангелистом, отчего правая рука, которая касается его шеи, выпрямлена. Кисть левой руки с двуперстным сложением видна из-под нимба святого¹¹.

Отличия между этими книжными миниатюрами проявляются в выписанных складках одежды: в миниатюрах с евангелистами они довольно бесформенны, с явными нарушениями художественных модулей; в развивающихся платах: тонких и легких в миниатюре Сборника Матфея Десятого и сохраняющих общий контур, но широких (они заполняют пространство между краем плата и фигурой) в миниатюрах Евангелия. Следует отметить и иное цветовое решение одежд и нимбов: у Матфея Десятого — сине-голубых, в Евангелии — розовато-сиреневых, с сохранением формы нимбов, состоящих из двух ромбов, но с добавлением характерных наверхши круглой и каплевидной формы. В целом фигуры Премудрости в Евангелии написаны в графической манере несколько небрежно, хотя и выявляют руку опытного мастера. Следует отметить, что в Евангелии все фигуры более плотные, скульптурные и значительно крупнее, поскольку входят в композицию полностраничной миниатюры листового формата.

Представляется важным проследить данные расхождения в трактовке общих образцов в двух рукописях. Как уже отмечалось, рукопись Евангелия написана на полвека позже Сборника Матфея Десятого и не могла являться прямым источником его миниатюры. Находясь в ризнице Супрасльского монастыря, рукопись Матфея Десятого была малодоступна и вряд ли могла быть знакомом миниатюристу Евангелия. Следовательно, существовал для них некий общий источник, и тогда возникает вопрос: какого рода памятник мог бы им быть — Евангелие или Псалтирь?

Композиции евангелистов с персонификацией Премудрости Божией получают достаточно развитую рукописную традицию в XIV–XVI вв. Для большинства композиций характерно близкое расположение Премудрости с фигурами евангелистов. Как правило, Премудрость изображается стоящей за спиной святого в довольно динамичной позе: склонившись над апостолом, она вдохновляет его Святым знанием. Ярким примером могут служить выполненные в эллинистической манере миниатюры Рогожского Евангелия (РГБ. Ф. 247. № 138) [15, с. 256–264]. К тому же типу можно отнести редкие миниатюры греческих и южнославянских псалтирей с выходными миниатюрами, на которых царь Давид изображен с Премудростью. Таковы Псалтирь XI в. (Милан, Библиотека Амброзиана. М. 54 sup. F. 2) и Мюнхенская псалтирь конца XIV в. (Мюнхен, Баварская государственная библиотека. Cod. slav. 4)¹². Миниатюры Супрасльского сборника и Евангелия РНБ. Ф. I. 35 не повторяют известные композиции. Премудрость возвышается над фигурой Давида (в Евангелии — над апостолом Марком) и лишь касается его плеча правой рукой. Подчеркнем, что данный извод композиции известен лишь в этих двух рукописях.

Илл. 11. Евангелист Матфей. Миниатюра из Евангелия. Середина XVI в. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Ф. I. 35. Л. 8об. Опубликовано в: Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук. В 2 т. Т. 2: Исследования и материалы. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2020. С. 156

Илл. 12. Евангелист Марк. Миниатюра из Евангелия. Середина XVI в. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Ф. I. 35. Л. 103об. Опубликовано в: Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук. В 2 т. Т. 2: Исследования и материалы. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2020. С. 156

Персонификация Премудрости в миниатюре с Матфеем в Евангелии РНБ. Ф. I. 35 обособлена от евангелиста: она стоит за преградой, отвернувшись от апостола, из-за чего складывается впечатление некоторой искусственности всей композиции. Напомню, что аналогичная фигура в миниатюре с Давидом относилась к другому сюжету (помазание Давида на царство) и была обусловлена еще эллинистической традицией. Помимо сюжета помазания на царство Давида, известного по миниатюре Парижской псалтири, изображение Премудрости в той же характерной позе помещено на миниатюрах «Царь Давид между Премудростью и Пророчеством» в Библии Христины шведской (ок. 940), в Ватиканской псалтири (ок. 1300) и Псалтири из РНБ (втор. пол. XIII в.). Таким образом, есть основания полагать, что первоначально этот тип изображения Премудрости был связан с иконографией Давида и далее на каком-то этапе вошел в композицию с евангелистом.

Третий общий для двух сопоставляемых рукописей вид Премудрости в облике архангела, как мы показали выше, также композиционно связан с ранними иконографическими типами «Помазание на царство». В русских памятниках сцена «собеседования» [10, кат. № 19, 20, с. 312–316], когда Премудрость показывает (или диктует) текст евангелия апостолу, держа в руке книгу с начальными словами Благовествования, известна в клеймах двух царских врат, относящихся к художественной культуре Твери XV в.: с изображением евангелиста Луки [15, с. 58] (створка царских врат, происходящих из Успенского Отроча монастыря Твери. Вторая половина XV в. Музей имени Андрея Рублева, Москва), и с изображением апостола Матфея (ГРМ, из коллекции В. А. Прохорова. Инв. ДРЖ 1418). Сцена

«собеседования» Премудрости и апостола Луки в Евангелии середины XVI в. РНБ. Ф. I. 35 перекликается с иконами из царских врат, однако облик Софии-Премудрости в виде архангела с крыльями, держащего в руках свиток, а не кодекс с текстом Евангелия, свидетельствует о существовании иной иконографической трактовки сюжета. В настоящее время рукопись этого Евангелия остается неизученным памятником. Имеется предположение о ее принадлежности культуре Великого княжества Литовского, нельзя исключить и ее новгородско-псковское происхождение. Так или иначе, существует определенная вероятность того, что данный извод был известен на Руси уже XIV–XV вв. и, таким образом, мог быть известен и Матфею Десятому по рукописным лицевым Евангелиям, иконам или фресковой росписи храмов.

При рассмотрении миниатюры из Сборника Матфея Десятого нельзя обойти вниманием изображение самого царя Давида. В верхнем ярусе композиции в сцене помазания Давид-отрок стоит на слегка согнутых ногах в позе принимающего благословение. Одна рука — в жесте прошения (моления), вторая задрاپирована гиматием. Облик Давида, несомненно, восходит к изображениям типа Парижской псалтири, с тем отличием, что царские одежды на нем — короткий красный далматик с золотым оплечьем и каймой на подоле, синий гиматий и высокие сапожки — изображены сообразно средневековой византийской традиции. В сцене с «научающей Премудростью» Давид изображен средовеком в царских одеждах, повторяющих цветовое решение предыдущей композиции.

Сцена Давида, пишущего Псалтирь, воспроизводит устойчивую композицию большинства выходных миниатюр

Илл. 13. Царь Давид. Миниатюра из Следованной псалтири. Конец XV в. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Ф. I. 738. Л. 38об. Опубликовано в: Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шibaев С. А. Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки Ф. I. 738. СПб.: Пушкинский Дом, 2011

с изображением авторов. В контексте русской книгописной традиции подобное изображение Давида является одним из ранних. Лишь с конца XV в. в древнерусской книжности известны списки псалтирей с великолепно выполненными выходными миниатюрами, изображающими царя Давида, пишущего Псалтирь (РГБ. 304.1.314. Л. 32об. Конец XV в.; РГБ. 173.1.11. Л. 2об. Первая пол. XVI в.; РГБ. 304.1.315. Л. 426об. Начало XVI в. и др.). Во всех миниатюрах соблюден строгий византийский канон: Давид изображен в царских одеждах, сидящий на троне с книгой или свитком в руках. Все написано на золотом фоне, с синим и красным тонами в одежде и стаффаже, с зеленым — в поземе. В каждой миниатюре художники непременно использовали свои приемы, немного меняя наклон тела, положение ног, форму короны и цвет облачений, архитектурный фон, но ни на одной не встречается изображения Премудрости. В выходных миниатюрах с другими творцами — Козмой Индикопловым, Иоанном Дамаскиным, повторяющим общую композиционную схему, — образы Премудрости также отсутствуют. Исключение составляет миниатюра с изображением Григория Богослова из рукописи Слов Григория Богослова конца XV в. (ТСЛ. Ф. 304. I. 137), в которой стилистика изображения Премудрости оказывается близка Сборнику Матфея Десятого: тонкая фигура без крыльев, нимб из двух скрещенных сине-голубых ромбов, сине-зеленые одежды и развевающийся красный плат-лента.

Для осмысления иконографии миниатюры Сборника Матфея Десятого важна миниатюра из Следованной псалтири РНБ. ОСРК. Ф. I. 738. Л. 38об. (Илл. 13). Царь Давид здесь изображен в той же позе, в таком же облачении, с той же формулой расположения складок гиматия, что и на миниатюре Матфея Десятого. Имеются и существенные отличия, которые не позволяют воспринимать ее как прямой образец: на голове Давида царский венец в виде короны, в руках не кодекс, а свиток. В композиции отсутствует персонификация Премудрости, а источником мудрости выступает сам Господь, благословляющей Давида из облаков. Иначе решен архитектурный фон и предметы мебели, в частности, в миниатюре отсутствует стол с пюпитром и пр. Тем не менее нельзя исключать выходную миниатюру Псалтири РНБ из числа возможных источников иконографии миниатюры в Сборнике Матфея Десятого, поскольку она остается наиболее близким по иконографии памятником и имеет целый ряд пересечений в других сценах миниатюры.

Вернемся к композиции Давида, пишущего Псалтирь. Здесь внимание привлекают не только персонажи, несущие смысловую нагрузку сцены, но и отдельные элементы архитектуры, мебели и других предметов, которые имеют свои определенные типы изображений. В этой связи обратимся к такой детали миниатюры Сборника, как изображение пюпитра со свитками. Иконографический вариант свитков, лежащих на пюпитре в свернутом виде, в отличие от других вариантов с развернутым, ниспадающим свитком или с кодексом, встречается нечасто. Этот тип известен уже в ранних византийских миниатюрах, например, в Греческом Евангелии Екатерины Комнины 1063 г. (Константинополь. Вашингтон, коллекция Думбартон Оакс). В композиции с евангелистом Марком свиток, свернутый в два рулона, лежит на пюпитре с прямой витой ножкой (как и на миниатюре Матфея Десятого). Пюпитр с лежащими на нем двумя отдельными свитками находим также в изображениях евангелиста Матфея: на иконе Андрея Рублева (1427) из царских врат иконостаса Троице-Сергиевой лавры и на миниатюре Евангелия из Николо-Пешношского монастыря конца XV в. [11]. Этот тип можно видеть и в новгородских рукописях XV века. Так, в Рогожском Евангелии (РГБ. Ф. 247. № 138. 1420–1430-е) в миниатюре с апостолом Матфеем (Л. 110б.) на пюпитре с витой ножкой лежат два свитка, перевязанные шнуром, аналогично изображению в Супрасльском сборнике. На миниатюре с апостолом Луккой (Л. 144об.) на пюпитре один перевязанный свиток свернут, второй в развернутом виде перекинут через пюпитр¹³. Эти композиции повторены в Евангелии-апракос БАН. 13. 1. 26 (Л. 720б., 1950б.), причем сохранена не только графика изображения, но и сине-голубой цвет крышки пюпитра (как и на миниатюре Матфея Десятого), редко встречающийся в данном иконографическом контексте. Представляется, что подобные детали — синий пюпитр на винтовой ножке с лежащими на нем двумя свитками, перевитыми шнурами, — могут стать определенным маркером при установлении контекстных связей миниатюры Супрасльского сборника с другими памятниками¹⁴.

В пространствах верхнего яруса миниатюры Сборника Матфея Десятого немалую роль играет архитектурный стаффаж, который здесь хоть и лаконичен, но достаточно выразителен. Общая композиция справа и слева ограничена изображениями построек. В сцене с Давидом, пишущим Псалтирь, справа от пюпитра помещена серо-голубая палата простой формы с полукруглым навершием, покрытым ярко голубой черепицей. На фронте — орнамент, выполненный с применением белил, контур рисунка обведен темно-коричневой краской. Палата визуальнo объединена с пюпитром, стоящем на столе, который имеет довольно крупный масштаб относительно фигуры Давида. Изображения совмещены в пространстве миниатюры и объединены цветом. Характерная деталь — нанесенные на стену палаты двойные косые полосы — создает переключку с перевязью свитков и витой ножкой пюпитра.

Мягкой округлой форме и светлому колориту голубой палаты противопоставлен киворий, изображенный в левом клейме. Он имеет вид сени с шатровым навершием и двойным острокопечным навесом, опирающимся на три тонкие колонны. Жесткие ломаные линии сооружения в сочетании с насыщенными

Илл. 14. Икона «Благовещение». XV в. Новгород. Инв. № И VIII 5104. Государственный исторический музей, Москва

красной и синей красками создают важный художественный, а главное — смысловой акцент, подчеркивая сакральность происходящего. Архитектурным прообразом кивория, как известно, являлась сень над гробом Господним — Кувуклия, изображения которой в средневековой иконографии не всегда буквально повторяли историческую форму строения. Киворий с шатровым навершием и многощипцовым покрытием появляется в русской иконографии в XV в. и не имеет выявленных аналогов ни в восточной, ни в западной изобразительной традиции. Кивории аналогичной формы известны в целом ряде русских икон, фресок и миниатюр XV–XVI вв. московского и преимущественно новгородского происхождения. Среди них отметим произведения, связанные с творчеством Дионисия: фреска «Видение Евлогия» в Ферапонтове монастыре, иконы с житиями митрополитов Петра и Алексия, икона, атрибутируемая мастерской Дионисия, «Положение пояса и ризы Богородицы» из церкви с. Бородава (Ферапонтово), а так же иконы «Введение Богородицы» и «Преположение» (ок. 1497 г.) из праздничного чина иконостаса Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Этот тип кивория является устойчивым в композиции Благовещения в группе типологически близких царских врат со святыми XV–XVII в., относящимися к художественной культуре Новгорода [17], в нескольких вариантах на новгородских табличках и др. произведениях (Илл. 14).

К этому же типу относится изображение кивория на житийных иконах Николая Чудотворца XV–XVI в.: «Николай Чудотворец с житием», клеймо «Поставление в диаконы», Новгород, XV в. (Палех. Инв. 289); «Николай Чудотворец с житием», клеймо «Крещение Св. Николая», Тверь, 1526 г. (Музей Андрея Рублева. Инв. КП 4371) — и целом ряде др. памятников.

На известном памятнике новгородского искусства середины XV в. «Битва новгородцев с суздальцами» мы видим схожее строение, которое интерпретируется как колокольня (Илл. 15).

В функции колокольни (звонницы) данная архитектурная конструкция нередко изображается на иконах XVI–XVII вв., например, на иконе конца XVI в. «Положение Ризы Богородицы», происходящей из Устюжны (Новгородский художественный музей), на которой скаты крыши колокольни окрашены в красный цвет, как и на миниатюре Сборника Матфея¹⁵.

Среди миниатюр русских рукописей, созданных до XVI в., остроконечный киворий удалось обнаружить в списке первой четверти XV в. Лествицы Иоанна Лествичника (РГБ. Ф. 439. Карт. 21. № 1. Л. 10б.) [15, с. 242]. Весьма близкое к миниатюре Матфея Десятого изображение кивория имеется в ранней русской лицевой Радзивилловской летописи (БАН. 34.5.30. Л. 19. 1490-е гг.) (Илл. 16).

И, наконец, этот же тип кивория изображен в Следованной псалтири РНБ. ОСРК. Ф. I.738. (Л. 50б.) в сцене, озаглавленной: «Давида посадиша на царство в Хевронъ старци и вси людие израильстии» (Илл. 17), которая помещена непосредственно под сценой «Помазание Давида на царство» (см. выше) и составляет с ней полностраничную миниатюру. Киворий графически близок изображению в Супрасльском сборнике и так же

Илл. 15. Икона «Битва новгородцев с суздальцами», фрагмент. Новгород. Середина XV в. (1460-е). Инв. № 1284. Новгородский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Новгород

Илл. 16. Беседа князя Олега с конюхом о своем любимом коне. Миниатюра из Радзивилловской летописи. 1490-е. Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург. 34.5.30. Л. 19

Илл. 17. Поставление Давида на царство. Миниатюра из Следованной псалтири. Конец XV в. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. Ф. I. 738. Л. 50б. Опубликовано в: Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибаев С. А. Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки Ф. I. 738. СПб.: Пушкинский Дом, 2011

расположен в левой части композиции. Примечательно и то, что в правой ее части находится палата с круглым куполом, создающая пару строений, аналогичную миниатюре Супрасльского сборника. Подобная переключка со Сборником Матфея Десятого вновь указывает на взаимосвязь памятников¹⁶.

Как видно, остроконечный киворий, по преимуществу, входит в композиции «церковного посвящения»: введение Богоматери в храм, Благословение как посвящение в Божественную тайну, пострижение и поставление в митрополиты Петра, крещение и поставление в дьяконы святителя Николая. К ним примыкает композиция Ризоположения со склоненными над престолом священниками (сцена поклонения святыни) и видение Евлогия, связанное с символической чина «Благословение хлебов». В этом же ряду стоят композиции с «посвящениями» царя Давида. Указанные сюжеты имеют древнее иконографическое воплощение, и не исключено, что подобный тип кивория связан с их иконографией. Общие приемы в изображении черепичного покрытия и цветовой обработке рисунка наводят на мысль о том, что данный тип покрытия восходит к древней византийской традиции,

не дошедшей до нас в ранних памятниках. В этой связи представляет интерес остроугольный арочный навес над портиком с двумя тонкими колоннами, изображенный на фреске монастыря в Грачанице (Сербия. XIV в.) (Илл. 18). Он представляет собой изобразительный модуль, который мог входить и в более сложную композицию на завершающий киворий.

Изображение островерхого многолопастного кивория, которое преобладало в новгородских памятниках, получило широкое распространение на всем Русском Севере и, возможно, являлось своего рода «приметой» новгородского искусства. И хотя изображение на иконе «Битва новгородцев с суздальцами» звонницы Спасо-Преображенского собора на Ильине не дает основания исследователям видеть в ней архитектурную реалию Новгорода XV в., все же определенные типы новгородских храмов XIV в. можно считать близкими этой архитектурной идее [3]. Церкви Спаса на Ильине и Федора Стратилата на Ручью, относящиеся к типу четырехстолпных однокупольных храмов, имеют щипцовую форму скатов покрытия, напоминающую скаты кивория, и эта «угловатость» придает особую

Илл. 18. Архитектурный стаффаж. Фреска. XIV в. (около 1320). Сербия, Грачаница

выразительность строениям. Тем не менее нельзя не учитывать одно существенное отличие новгородских храмов — это соединение многощипцовых покрытий с цилиндрическим барабаном, а не конусообразным верхом, как в кивории¹⁷. Форму кивория на миниатюре Супрасльского Сборника можно считать еще одной маркирующей деталью миниатюры.

Фрагмент миниатюры, рассмотренный нами по отдельным иконографическим элементам, представляет собой тщательно продуманную целостную композицию. В ее построении доминирует универсальный принцип симметрии, основанный на парности элементов, которую можно наблюдать на всех уровнях в сопряжении визуальных и семантических образов. Все элементы имеют соответствующие пары. Так, строения, символизирующие храм Божий, создают обрамление всей композиции. Ось симметрии проходит по центру композиции, и пару образуют две сакральные сцены: помазания на царство и псалмотворения Давида. Относительная замкнутость каждой из сцен возникает за счет поз и жестов персонажей, их разнонаправленных действий, а также концентрации внимания в каждой из компози-

ций на центральном элементе: в сцене помазания — на фигуре Давида, в сцене псалмотворения — на начальных словах Псалтири «Блажен муж», написанных в книге Давидом. Пророк Самуил, помазующий Давида рогом, и архангел, возлагающий на него венец, изображены в одинаковых позах с поднятой рукой, держащей священный атрибут. Важную объединяющую роль в облике Самуила и Архангела играет тип и цвет облачений: зеленый хитон и синий гиматий, перекинутый через плечо. Визуальная близость персонажей призвана подчеркнуть единство в богословском толковании двух этапов передачи Давиду царской власти. Парное изображение Давида объединено цветовым решением символических царских одежд, что так же подчеркивает взаимообусловленность двух ступеней Божественного посвящения Давида.

Симметричную пару создают изображения Премудрости в виде бескрылого ангела. Персонификация Премудрости обозначает присутствие Святого Духа во всех деяниях Давида-царя, иллюстрируя слова Библии: «И ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом» (2 Цар. 16: 13). Примечательно, что оба изображения приподняты над остальными фигурами, они парят в воздухе, а не стоят на земле, а легкие одежды и развивающиеся лентообразные платы придают ощущение воздушного пространства, в котором пребывает Святой Дух.

В миниатюре Матфея Десятого персонажи находятся в движении, в активном взаимодействии в момент наивысшего духовного напряжения. И симметрия, как главный организующий принцип, направляет возникающую энергию, гармонизирует ее и придает монументальный характер сакральному пространству миниатюры.

В иконографии миниатюры проявились множественные связи композиции с целым кругом разножанровых и разновременных памятников как в отдельных деталях и образах персонажей, так и в целых сценах. Эти связи позволяют увидеть в отдельных случаях возможные первоисточники изображений или общие архетипы, к которым восходят сравниваемые произведения. Ориентирами выступают древние греческие и латинские иллюминированные псалтири, южнославянские и русские лицевые псалтири и Евангелия, фрески храмов балканских стран и Древней Руси.

Примечания:

- ¹ В 2017 г. в Санкт-Петербурге была проведена международная научная конференция «Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания», посвященная 510-летию создания Библейского сборника Матфея Десятого. По материалам конференции был выпущен сборник статей, существенно расширивший научные представления о кодексе Матфея Десятого и его времени [14].
- ² Псалтирь. XI в. Милан, Библиотека Амброзиана. (М. 54 sup. F. 2r).
- ³ Мюнхенская псалтирь. Мюнхен, Баварская государственная библиотека (Cod. slav. 4). XIV в. (конец).
- ⁴ Исследование рукописи и публикацию миниатюр см. в кн.: [6].
- ⁵ Парижская национальная библиотека, gr. 139. Fol. 3v. Иконография этой псалтири аналогична иконографии Библии королевы Христины X в. (Библиотека Ватикана. Reg. gr. 1A Reg. gr. 2A).
- ⁶ Миниатюру из Минеи сопровождает близкая к Сборнику Матфея Десятого надпись: «Пророк Самоил помазует Давида на царство рогом».
- ⁷ При сопоставлении, безусловно, следует учитывать специфику жанра изображения (книжная миниатюра и ростовая икона), формат, технику и мастерство. Параллели с творчеством Дионисия, как нам представляется, не случайны, однако в данном случае речь может идти об общих истоках русской иконографии конца XV – начала XVI вв.
- ⁸ Например, хорошо известные фрески: «София — Премудрость Божия» (Грачаница Сербия, Косово. Около 1320 г.); «Учительство» (Лесново. Македония. XIV в.). Близки облику персонификации Премудрости изображения Мудрых Дев (Лесново. Македония. XIV в.) и др.
- ⁹ Сцены Учительства сохранились на фресках церкви Лесновского монастыря в Македонии, в церкви Успения на Волотовом поле, в Полоцке. Этот сюжет обстоятельно изучен в статье: [12].
- ¹⁰ Иконография Премудрости подробно рассмотрена в работах: [15; 5] и др. К сожалению, ни одна из работ не учитывает миниатюру Супрасльского сборника.
- ¹¹ Двуперстие видно не отчетливо и его можно принять за сжатый кулак с выставленным большим пальцем, что представляется неуместным.
- ¹² В Мюнхенской псалтири миниатюра снабжена подписью, раскрывающей аллегорический смысл сюжета: «Дух святыи учить Давыда царя писати псалтирь».
- ¹³ См., также: Евангелие 1480-х гг. – конца XV в. ГИМ. Муз. 328. Л. 100б. (Евангелист Матфей), л. 118об. (евангелист Марк).
- ¹⁴ Подробное рассмотрение вопроса изображения пишущих в связи с техникой письма древнерусских книг см. в кн.: [16, с. 66–76].
- ¹⁵ Отметим, что в несколько усеченном варианте – без шатра, но с красной кровлей изображена звонница на иконе Дионисия «Митрополит Алексей с житием».
- ¹⁶ В XVI в. данный тип кивория изредка встречается в миниатюрах Лицевого летописного свода.
- ¹⁷ Приношу глубокую благодарность О. М. Иоаннисяну за исчерпывающую консультацию по данному вопросу.

Список литературы:

1. Алексеев А. А., Лихачева О. П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги. Л.: Наука, 1978. С. 54–88.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Псалтирь. М.: Новоспасский монастырь, 1997. 344 с.
3. Дмитриев Ю. Н. О формах покрытия в новгородском зодчестве XIV–XVI веков // Древнерусское искусство. М.: Наука, 1963. С. 196–207.
4. Лавров П. А. Библиейские книги 1507 года // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Praha, 1933–1934. Roč. 12. S. 85–112.
5. Лифшиц Л. И. София Премудрость Божия в русской иконописи // София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX веков из собраний музеев России: каталог. М.: Радуница, 2000. С. 9–17.
6. Гордиенко Э. А., Семячко С. А., Шибаев С. А. Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F. I. 738. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 248 с.
7. Николаев М. Палата книгописная. Рукописная книга ў Беларусі ў X–XVIII стагоддзях. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. 239 с.
8. Панченко Ф. В. «Еже не скрыты таланта от Бога преданного ми» (Материалы к творческому портрету Матфея Десятого) // Круги времени. В память Е. К. Ромодановской. Исследования, посвящения и воспоминания. Т. 2. М.: Индрик, 2015. С. 171–208.
9. Панченко Ф. В. Концепт художественного оформления Библиейского сборника Матфея Десятого // Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библиейского сборника Матфея Десятого. СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2017. С. 126–136.
10. Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери. XIV–XVI века. М.: Наука, 1979. 640 с.
11. Попов Г. В. Евангелие Николо-Песношского монастыря // Рукописная книга Москвы: миниатюра и орнамент второй половины XV–XVI столетия. М.: Индрик, 2009. С. 165–170.
12. Сарабянов В. Д. Тема передачи Божественной Премудрости в росписях Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 1 (4). С. 7–25.
13. Сказания о царе Давиде / Подготовка текста, перевод и комментарии М. Д. Каган-Тарковской и Р. Б. Тарковского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. СПб.: Наука, 1999. С. 160–171.
14. Славянская Библия в эпоху раннего книгопечатания: К 510-летию создания Библиейского сборника Матфея Десятого / Отв. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2017. 460 с.
15. Смирнова Э. С. Искусство книги в средневековой Руси. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М.: Северный паломник, 2011. 560 с.
16. Столярова Л. В., Каушанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 429 с.
17. Шумилова Х. В. Новгородские царские врата XV–XVII вв. с изображением Благовещения и двух святителей // Вестник ПСТГУ. Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2014. Вып. 4 (16). С. 63–84. DOI: 10.15382/sturV201416.63-84

References:

- Alekseev A. A. (ed). *Slavianskaia Bibliia v epokhu rannego knigopchataniia: K 510-letiiu sozdaniia Bibleiskogo sbornika Matfeia Desiatogo (Slavic Bible in the Era of Early Printing: For the 510th Anniversary of the Creation of the Bible Compilation by Matthew the Tenth)*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2017. 460 p. (in Russian)
- Alekseev A. A.; Likhacheva O. P. *Suprasl collection of 1507. Materialy i soobshheniia po fondam otdela rukopisnoi i redkoi knigi (Materials and Messages on the Funds of the Department of Manuscript and Rare Book)*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 54–88. (in Russian)
- Dmitriev Iu. N. On the Forms of Coating in Novgorod Architecture in the 14th – 16th Centuries). *Drevnerusskoe iskusstvo (Old Russian Art)*. Moscow, Nauka Publ., 1963, pp. 196–207. (in Russian)
- Lavrov P. A. Biblical books of 1507. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Praha, 1933–1934, Roč. 12, pp. 85–112. (in Russian)
- Lifshic L. I. *Sofia the Wisdom of God in Russian Icon Painting. Sofia Premudrost' Bozhii. Vystavka russkoi ikonopisi 13–19 vekov iz sobranii muzeev Rossii (Sofia the Wisdom of God. Exhibition of Russian Icon Painting of the 13th – 19th Centuries from the Collections of Museums in Russia)* Moscow, Radunitsa Publ., 2000, pp. 9–17. (in Russian)
- Gordienko E. A.; Semiachko S. A.; Shibaev S. A. *Miniatiura i tekst: K istorii sledovannoi psaltiri iz sobraniia Rossiiskoi natsional'noi biblioteki F. I. 738. (Miniature and Text: To the History of the Following Psalter from the Collection of the Russian National Library. F. I. 738)*. Saint Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011. 248 p. (in Russian)
- Nikolaew M. *Palata knigopisnaia. Rukapisnaia kniga v Belarusi ŭ 10–18 stagoddziakh (Bookstore Palace. Hand-written Book in Belarus in the 10th – 18th Stalwart)*. Minsk, Mastackaia litaratura Publ., 1993. 239 p. (in Belarusian)
- Panchenko F. V. "To not Hide Talent from God Given to Me" (Materials for the Creative Portrait of Matthew the Tenth). *Krugi vremeni. V pamiat' E. K. Romodanovskoi. Issledovaniia, posviashcheniia i vospominaniia (Circles of Time. In Memory of E. K. Romodanovskaia. Research, Dedication, and Memories)*. Vol. 2. Moscow, Indrik Publ., 2015, pp. 171–208. (in Russian)
- Panchenko F. V. The Concept of Decoration of the Bible Compilation by Matthew the Tenth. *Slavianskaia Bibliia v epokhu rannego knigopchataniia: K 510-letiiu sozdaniia Bibleiskogo sbornika Matfeia Desiatogo (Slavic Bible in the Era of Early Printing: For the 510th Anniversary of the Creation of the Bible Compilation by Matthew the Tenth)*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2017, pp. 126–136. (in Russian)
- Popov G. V.; Ryndina A. V. *Zhivopis' i prikladnoe iskusstvo Tveri. 14–16 veka (Painting and Applied Art of Tver. The 14th – 16th Centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1979. 640 p. (in Russian)
- Popov G. V. The Gospel of the Nikolo-Pesnoshsky Monastery. *Rukopisnaia kniga Moskvy: miniatiura i ornament vtoroi poloviny 15 – 16 stoletii (Manuscript Book of Moscow: Miniature and Ornament in the Second Half of the 15th – 16th Century)*. Moscow, Indrik Publ., 2009, pp. 165–170. (in Russian)
- Sarabianov V. D. The Transition of the Heavenly Wisdom in the Murals of the Transfiguration Church of the Euphrosiniev Monastery in Polotsk. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva (St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art)*, 2011, issue 1 (4), pp. 7–25. (in Russian)
- Smirnova Ie. S. *Iskusstvo knigi v srednevekovoi Rusi. Litsevye rukopisi Velikogo Novgoroda. 15 vek (The Art of Books in Medieval Russia. Face Manuscripts of Veliky Novgorod. The 15th Century)*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2011. 560 pp. (in Russian)
- Stoliarova L.V.; Kashtanov S. M. *Kniga v Drevnei Rusi (11–16 vv.) (Book in Old Russia (11th – 16th Centuries))*. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2010. 429 p. (in Russian)
- Shumilova Kh. V. Novgorod Royal Gates of 15–17th Centuries with the Depictions of the Annunciation and Two Saint Bishops. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva (St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art)*, 2014, issue 4 (16), pp. 63–84. DOI: 10.15382/sturV201416.63-84. (in Russian)